МОСКОВСКОЙ

ЖУРНАЛЪ.

Часть VI.

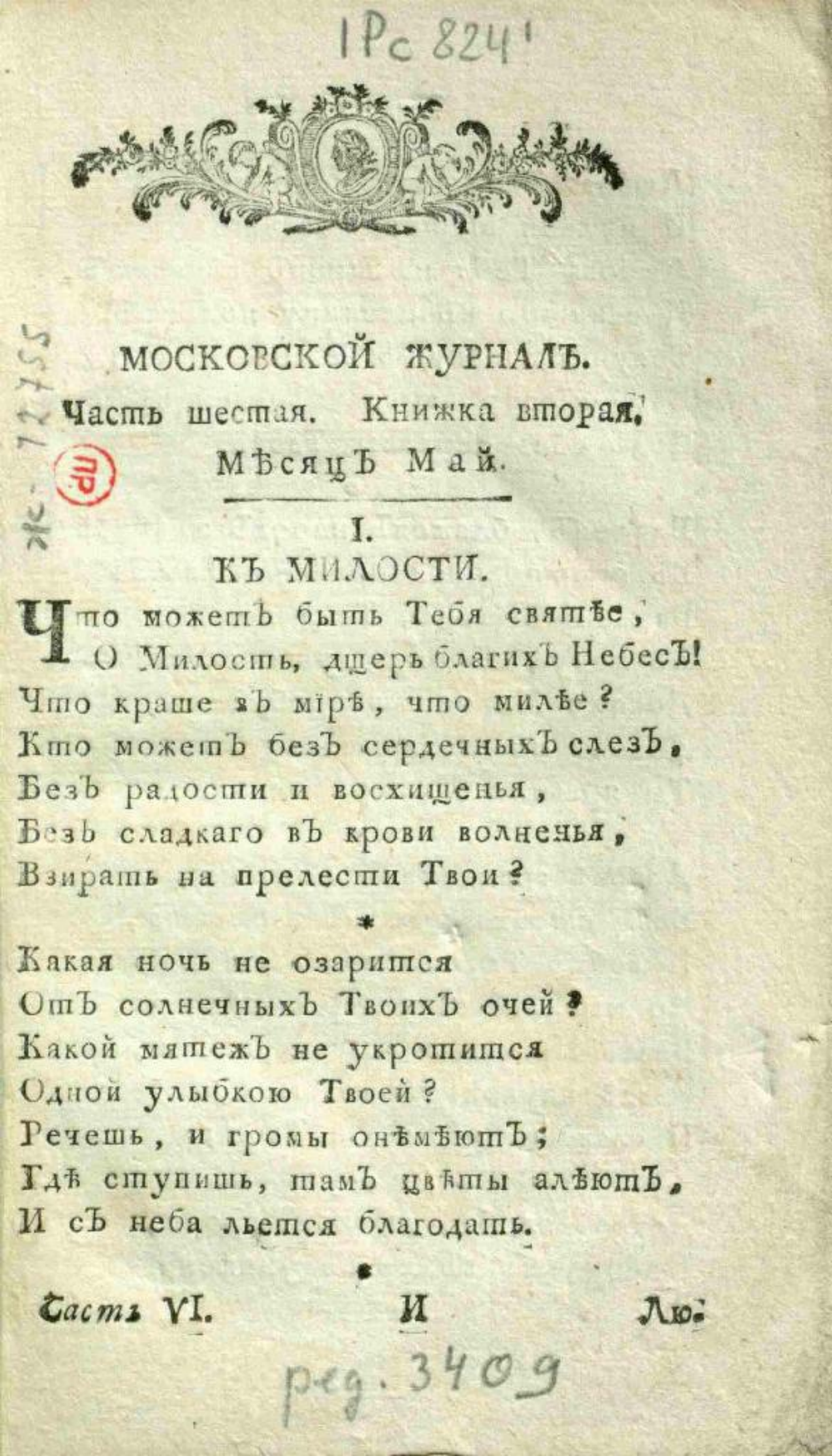
Книжка вторая.

МАЙ 1792.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

1Ре
К24

1Рс 824'



Ж-12755

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть шестая. Книжка вторая.

МѢсяцЪ Май.

I.

КЪ МИЛОСТИ.

Что можетъ быть Тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ!
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?

*

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ,
И съ неба льется благодать.

*

ред. 3409

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

*

Блаженъ, блаженъ народъ живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостью пребудешь,
Доколѣ пользоваться будешь
Ты правомъ Матери одной;

*

Доколѣ гражданинъ покойно,
Безъ страха можетъ засыпать,
И всѣмъ Твоимъ подвластнымъ вольно
По мыслямъ жизнь располагать,
Вездѣ Природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться,
И славить прелести Твои;

*

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена

Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый въ сердцѣ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

*

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Доколь довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

*

Спокойствія Твоей державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

Ц. Ы.

II.

ВЕСНА.

Подъ розово-сребристымъ небомъ,
Возженнымъ лучезарнымъ фебомъ,
Виляючи туда, сюда,
Летятъ, летятъ спускаясь ниже,
Къ зеленой рощѣ ближе, ближе,
И вьются около гнѣзда —
Нашли, и обѣ вдругъ запѣли! —
Опять вы птички прилетѣли
На милу родину свою! —
Какой восторгъ! какая радость!
Весна! весна! Природы младость!
Ты паки здѣсь, и я пою!

Вездѣ, вездѣ Амуръ порхаетъ,
Любовь и щастье разливаетъ,
И мнится, сами небеса
Съ землей любовью сопряглися.
Тамъ рѣзвыя струи слилися,
Здѣсь обнялися древеса;
Тамъ кроликъ, притаясь въ кусточки,
Колеблетъ вздохами листочки;
Тамъ нѣжитъ слухъ бряцанье лиръ;
Тамъ Дафнисъ шороху внимаетъ,

А Хлоя сзади обнимаетъ;
Тамъ шепчетъ съ розою зефиръ . . .
Но чьимъ невидимымъ я гласомъ
Внезапу сладко восхищенъ?
Не самъ ли Фебъ со всѣмъ Парнасомъ
Снисшелъ сюда, весной прельщенъ?
Я оглушенъ! я млѣю! таю!
Восторженъ! веселъ! унываю! . . .
Небесный гласъ! небесна трель! . . .
Умолкъ — и Панъ свою свирѣль
Попралъ мохнатою ногою;
И Дафнисъ, преклонясь на Хлою,
Еще внимаетъ сквозь вѣтьвей —
Почій на лаврахъ, соловей!
Ликуй весна, краса Природы!
Тебѣ земля, тебѣ и воды,
Все, все творенье гимнъ поетъ! . .
Но кто се съ горъ вдали бѣгуща,
Въ десницѣ лукъ златой имуща,
Отъ взоровъ тихій лучь лѣтъ?
Мелькнула, и не зрима стала!
И се — се паки возсіяла
Уже въ лазурныхъ небесахъ.
Весь міръ въ безмолвье погрузился,
И зракъ ея изобразился
Недвижимъ въ сребряныхъ водахъ.

Цвѣточикъ исподволь блѣднѣетъ;
Надъ рощею простерлась мгла;
Хребты исчезли, холмъ синѣетъ —
Се ночь свинцовый скиптръ взяла!
Уснуло все! — покой священный!
Пѣвецъ, весною вдохновенный,
Не смѣетъ болѣе бряцать;
Но сердце въ немъ еще пылаетъ —
Еще, еще оно алкаетъ
Красу Природы созерцать.

И.

III.

ШАРЛОТА НА ВЕРТЕРОВОЙ ГРОБНИЦѢ (*).

(*Переводъ съ Французскаго.*)

*

О ты вокругъ сихъ мѣстъ плачевныхъ
Носящаяся тѣнь, постой!

Зри

(*) Сочинитель или Переводчикъ сей пїесы есть молодой, четырнадцатилѣтнїй человѣкъ. Я не имѣю чести знать его, но желаю ему успѣха въ похвальныхъ его упражненїяхъ; желаю, чтобы онъ былъ не только стихотворцемъ, но и Поэтомъ. — К.

Зри тьму страданій безконечныхъ —
Моею тронься ты тоской!
Смотри, о Вертеръ! какъ кончаетъ
Стеня Шарлота жизнь свою;
Къ тебѣ какъ духъ свой испускаетъ,
Въ гробницу нисходя твою!

*

О долгъ, ты сердца змѣй ужасный,
Страшилище любви моей!
Ты тщетно гасишь пламень страст-
ный —
Престань казаться страшнымъ ей!
Твои угрозы безполезны.
Ты тѣмъ ли хочешь обвинять,
Что лью изъ глазъ потоки слезны?
Но самъ велишь ихъ проливать!

*

Ты, Вертеръ, въ гробъ сей пресе-
лился,
Моею ставъ сраженъ рукой (*);
Ты въ жизни отъ меня крушился,
И въ смерти ты терзался мной.

(*) По чему ея рукой? — Выраженіе, *преселиться въ гробъ*, также критиковать можно. — К.

Но пуля, что тебя сразила,
Ко мнѣ тогда жь влетѣла въ грудь,
Меня жестоко уязвила,
И къ смерти мнѣ отверзла путь.

*

Предстань, предстань мнѣ, тѣнь драгая!
Твой видъ меня не устрашитъ;
Утѣшусь, на тебя взирая;
Онъ мнѣ покой мой возвратитъ.
Что вижу ... Вертеръ ... свѣтъ теряю;
Хладѣетъ въ жилахъ, въ сердцѣ кровь;
Въ восторгѣ — ахъ! я умираю,
Храня, храня къ тебѣ любовь.

*

Но нѣтъ! лишь воздухъ наполняю
Я тщетнымъ воплемъ въ сихъ мѣстахъ!
Горячность слезъ, что проливаю,
Не оживитъ его ужь прахъ.
Надеждой льщу себя напрасно;
Одна насъ смерть соединитъ.
Престану умирать всечасно,
Тогда, какъ духъ мой излетитъ.

IV.

СЦЕНЫ ИЗЪ САКОНТАЛЫ,

Индѣйской драмы.

Отъ Издателя.

Творческой Духъ обитаетъ не въ одной Европѣ; онъ есть гражданинъ вселенной. *Человѣкъ вездѣ человѣкъ; вездѣ имѣетъ онъ чувствительное сердце, и въ зеркалѣ воображенія своего вмѣщаетъ небеса и землю. Вездѣ Натура есть его наставница и главный источникъ его удовольствій.*

Я чувствовалъ сіе весьма живо, читая Саконталу, драму, сочиненную на Индѣйскомъ языкѣ, за 1900 лѣтъ передъ симъ, Азіатскимъ Поэтомъ Калидасомъ, и недавно переведенную на Англійской Вилліамомъ Джонсомъ, Бенгальскимъ Судьею (которой и прежде того извѣстенъ былъ въ ученомъ свѣтѣ по своимъ переводамъ съ восточныхъ языковъ), а на Нѣмецкой Профессоромъ Георгомъ Форстеромъ (которой путешествовалъ съ Кукомъ

въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ нашего міра). Почти на каждой страницѣ сей драмы находилъ я высочайшія красоты Поэзіи, тончайшія чувства, кроткую, отмѣнную, неизъяснимую нѣжность, подобную тихому Майскому вечеру — чистѣйшую, неподражаемую натуру, и величайшее искусство. Сверьхъ того ее можно назвать прекрасною картиною древней Индіи, такъ какъ Гомеровы Поэмы суть картины древней Греціи, — картины, въ которыхъ можно видѣть характеры, обычаи и нравы ея жителей. Калидасъ для меня столь же великъ, какъ и Гомеръ. Оба они получили кисть свою изъ рукъ Натуры, и оба изображали — Натуру.

Для собственнаго своего удовольствія перевелъ я нѣкоторыя сцены изъ Саконталы, и по томъ рѣшился напечатать ихъ въ Московскомъ Журналѣ, надѣясь, что сіи благовонные цвѣты Азіатской Литтературы будутъ пріятны для многихъ Читателей,

лей, имѣющихъ тонкой вкусъ и любящихъ истинную Поэзію.

К.

Душманта, Индѣйской Императоръ, гонится въ лѣсу за антелопою (*). *Пустынникъ, провождаемый учениками своими, встрѣчается ему.*

Пустынникъ (*воздѣвая руки*). Не умерщвляй, Царь всемогущій, не умерщвляй бѣднаго юнаго звѣря, нашедшаго себѣ убѣжище! Нѣтъ, ты не долженъ уязвлять его. Стрѣла въ нѣжномъ тѣлѣ такого животнаго была бы подобна огню въ хлопчатой бумагѣ. Коль силенъ лукъ твой, и коль слаба нѣжная кожа юной антелопы! Сокрой стрѣлу, которою ты мѣтилъ! Ваше оружіе, Цари и Герои! должно спасать утѣсненныхъ, а не губить невинныхъ.

Душманта (*кланяясь имъ*). Я влагаю въ колчанъ стрѣлу мою.

Пу-

(*) Прекрасной, черной звѣрь съ бѣлыми пятнами, вышиною съ малую лошадь.

Пустынникъ (*радостно*). Достойно тебя дѣло сіе, изъ Царей славнѣйшій! Воистину, оно достойно Вѣнценосца, отъ колѣна Пурова происходящаго. Да будетъ сынъ твой украшенъ добродѣтелію! да обладаетъ міромъ!

Ученикъ (*подымая обѣ руки*). Такъ конечно! да будетъ сынъ твой украшенъ всякою добродѣтелію! да обладаетъ міромъ!

Душманта (*наклоняясь передъ ними.*) Я чту въ душѣ моей изреченія Браминовъ!

Пустынникъ. Мы пришли сюда, великій Царь, для собранія древа къ торжественной жертвѣ. Сей лѣсъ на брегу рѣки Малини есть убѣжище дикихъ звѣрей, защищаемыхъ Саконтолою, которую святый учитель нашъ, Канна, принялъ къ себѣ какъ драгоцѣнный, ввѣренный ему залогъ. Естьли ничто тебя не удерживаетъ, то поди въ оную рощу, дабы должности гостепріимства были тебѣ оказаны. Тамъ увидишь собственными глазами

добро-

добродѣтельную жизнь тѣхъ, коихъ богатство состоитъ въ единомъ благочестіи, и кои забыли уже всѣ земныя попеченія.

Душманта. Дома ли вашъ начальникъ?

Пустынникъ. Учитель нашъ пошелъ въ Сомашрму, надѣясь тамъ молитвою своею отвратить нещастіе, которымъ Судьба угрожаетъ непорочной Саконталѣ. Въ отсутствіе свое онъ повелѣлъ ей принимать всѣхъ странниковъ съ должнымъ почтеніемъ.

Душманта. Я пойду къ ней, мужъ священный! Она будетъ свидѣтельницею моей набожности, и благосклонно возвѣститъ о томъ мудрому старцу.

Пустынникъ и ученикъ. Да будетъ! Мы пойдемъ теперь за своимъ дѣломъ. (*Уходятъ.*)

Душманта (*правителю колесницы своей.*) Мы поѣдемъ — и посѣтивъ обитель святости, очистимъ души наши.

Пра-

Правитель колесницы. Какъ Царю угодно. (*Будетъ далѣе.*)

Душманта (осматривается во всѣ стороны.) Я самъ могъ бы узнать, что мы находимся близь благочестивыхъ пустынниковъ, естьли бы и никто намъ того не сказывалъ.

Правитель колесницы. По какимъ знакамъ?

Душманта. Развѣ ты ихъ не видишь? Смотри: подъ оными древами лежатъ зерна, разсыпанныя тутъ для того, чтобы нѣжная попугаева самка кормила ими неоперенныхъ птенцовъ своихъ въ гнѣздѣ, висящемъ на вѣтьвяхъ. Примѣчай въ другихъ мѣстахъ блистающіе отломки гладкаго камня, которымъ разбиваютъ масличный плодъ святаго Ингуди. Смотри, какъ младые дикіе тельцы вѣрятъ человѣку, и привыкли къ его голосу; какъ безпечно они прыгаютъ, и бѣга своего не перемѣняютъ. Поверхность рѣки красна отъ коры освященной, которая плыветъ внизъ по теченію. Корни оныхъ деревъ купаются въ

водѣ

водѣ святыхъ прудовъ; она трепещетъ, когда вѣперокъ на ней играетъ. Тамъ свѣтлой блескъ свѣжихъ листьевъ на время покрывается дымомъ, восходящимъ отъ жертвы чистаго Гїа (*). Смотри, какъ оныя серны гуляютъ по злаку, не бояся нашего приближенїя. Оный лугъ передъ садомъ, гдѣ разсѣяна жертвенная трава, срѣзанная для какого нибудь благочестиваго употребленїя, есть мѣсто всегдашняго ихъ пребыванія.

Правитель колесницы. Теперь вижу всѣ сїи знаки святой обители.

Душманта. Да не осквернится сїе почтенное мѣсто! И такъ, другъ мой, останови здѣсь колесницу, и дай мнѣ сойти на землю.

Правитель колесницы. Я удерживаю коней. Царь можетъ сойти по волѣ своей.

Душманта (сошедши и осматривая свое платье.) Въ смиреннѣйшей одеж-

---

(*) Обыкновенная жертва Браминовъ, состоящая въ чистомъ растопленномъ маслѣ, которое льютъ на огонь.

одеждѣ должно приходить въ посвященныя богослуженію рощи. Возьми сіе царское украшеніе — (*отдаетъ оное правителю колесницы*) — и между тѣмъ, какъ я буду у жителей сего мѣста, напой и вычисти коней нашихъ.

Правитель колесницы. Да исполнится твое повелѣніе! (*Уходитъ.*)

Душманта (*ходитъ и осматривается.*) Теперь вступлю я во святилище. (*Входитъ въ рощу.*) Ахъ! мѣста сіи священны; я чувствую содроганіе въ правой рукѣ моей. (*Останавливается и размышляетъ.*) Какое новое благополучіе обѣщается мнѣ чрезъ сіе предзнаменованіе въ дремучемъ лѣсу? . . *Но врата предопредѣленныхъ случаевъ вездѣ отверсты.*

За сценою. Подите сюда, любезныя подруги, подите!

Душманта (*слушаетъ.*) Я слышу женскіе голоса, на правой сторонѣ, въ оной бесѣдкѣ. Надобно узнать, кто тамъ говоритъ (*Идетъ и смотритъ.*) Сіи юныя дѣвицы принадле-

лежатъ конечно къ семейству пустынника. Въ рукахъ несутъ онѣ сосуды съ водою, вѣрно для того, чтобы освѣжить нѣжныя растѣнія. Какъ онѣ милы! — Естьли красота дѣвицъ, живущихъ въ сокровенной рощѣ, столь чужда великолѣпнымъ чертогамъ, то цвѣты садовые должны уступить мѣсто лѣснымъ цвѣтамъ, которые видомъ и запахомъ превосходнѣе оныхъ. (*Стоитъ и смотритъ на нихъ.*)

Саконтала съ двумя подругами своими, Анузуею и Пріямвадою.

Анузуя. Милая Саконтала! въ твоемъ сообществѣ кажутся мнѣ деревья отца нашего вдвое прекраснѣе. Тебѣ, подруга моя, нѣжная подобно Малликѣ (*), тебѣ прилично наполнять водою сіи ископанные рвы вокругъ маленькихъ кусточковъ.

Саконтала. Не только изъ повиновенія къ волѣ нашего родителя я это

(*) Благовонной цвѣтокъ.

дѣлаю; сердце мое дѣйствительно чувствуетъ нѣжную склонность къ юнымъ растѣніямъ. (*Поливаетъ ихъ.*)

Пріямвада. Любезная подруга! кусточки, тобою поливаемые, цвѣтутъ лѣтомъ, которое теперь начинается; польемъ и тѣ, которые уже отцвѣли — чѣмъ безкорыстнѣе, тѣмъ похвальнѣе дѣло наше.

Саконтала. Прекрасной совѣтъ! (*Поливаетъ другія растѣнія.*)

Душманта (*въ восхищеніи*). Какъ! это Саконтала, дочь Каннова? Почтенный мудрецъ долженъ быть весьма жестокосердъ, когда онъ на такую прелестную дѣвицу налагаетъ столь низкую работу, и велитъ ей носить толстую, изъ коры сплетенную мантію. Кто можетъ требовать, чтобы сіе чудесное твореніе, которому при первомъ взорѣ отдалась восхищенная душа моя — кто можетъ требовать, чтобы Саконтала сносила весь трудъ набожныхъ должностей: тотъ захочетъ конечно и жесткое Самин-

но-

ное (*) дерево расколоть мягкимъ Лотовымъ (**) листочкомъ. Я сокроюсь за симъ деревомъ, чтобы разсматривать ихъ прелести, не мѣшая откровеннымъ разговорамъ ихъ.

Саконтала. Любезная Пріямвада такъ крѣпко завязала мантію на груди моей, что я чувствую боль. Развяжи ее, Анузуя! (*Анузуя разстегиваетъ.*)

Пріямвада (*съ усмѣшкою.*) Наслаждайся, милая подруга, наслаждайся цвѣтомъ юности, которая столь прелестно воздымаетъ груди твои!

Душманта (*въ сторону*). Правда, правда, Пріямвада! Но прелести ея видны и тогда, когда изъ коры сплетенная одежда лежитъ на плечахъ ея и сокрываетъ часть бѣлой груди, подобно какъ желтыя листья блестящій цвѣтокъ покрываютъ. Водяная лилія прекрасна и тогда, когда темный мохъ лежитъ на листочкахъ ея, и мѣсяцъ

*) Дерево, зажигаемое при жертвоприношеніи.

**) Водяная лилія.

въ росоточивыхъ лучахъ своихъ сіяетъ еще свѣтлѣе отъ того, что въ немъ есть черныя пятна. Прелести черноглазой Саконталы сіяютъ на кору и украшаютъ ее: вмѣсто того, чтобы прохладить жаръ мой, она умножаетъ его. Многіе грубые стебли подпираютъ водяную лилію; но много и прекрасныхъ цвѣтовъ, на нихъ висящихъ.

Саконтала (*смотря впередъ.*) Оное Амранное (*) дерево, милыя подруги, манитъ насъ своими листочками, тихо колеблемыми вѣтеркомъ пріятнымъ. Вѣрно хочетъ оно сказать намъ на ухо какую нибудь тайну. Я подойду ближе. (*Всѣ онѣ приближаются къ дереву.*)

Пріямвада. Ахъ, Саконтала! побудемъ немного здѣсь въ тѣни.

Саконтала. Для чего точно здѣсь?

Пріямвада. Для того что Амранное дерево кажется съ тобою сочетаннымъ — съ тобою, подобною цвѣ-

---

(*) Прекрасное цвѣтущее дерево.

цвѣпущему плющу, который вокругъ его обвивается.

Саконтала. Ты по справедливости называешься Пріямвадою, ты *сладкоглаголивая.*

Душманта (*въ сторону.*) Пріямвада говоритъ правду. Не пылаютъ ли уста ея подобно нѣжнымъ цвѣтнымъ листочкамъ? Руки ея подобны гибкимъ стеблямъ; она красуется во всемъ блескѣ своей юности.

Анузуя. Смотри, Саконтала, какъ оная свѣжая Маллика, которую назвала ты *веселіемъ рощи*, избрала себѣ въ женихи Амранное дерево.

Саконтала (*подходитъ и разсматриваетъ съ радостію.*) Какъ прелестно сіе время года, въ которое растѣнія совокупляются бракомъ! (*Стоитъ въ задумчивости.*)

Пріямвада (*съ улыбкою.*) Знаешь ли, Анузуя, для чего Саконтала съ такимъ восхищеніемъ разсматриваетъ сіе растѣніе?

Анузуя. Нѣтъ, не знаю; я теперь думала о томъ, и не могла догадаться. Пожалуй, скажи.

Пріямвада. *Нашла себѣ супруга*
прекрасная маллика;
найду и я супруга,
найду себѣ по сердцу.

Вотъ что она теперь думаетъ.

Саконтала. Воображеніе твое мечтаетъ. (*Ставитъ на землю сосудъ съ водою.*)

Анузуя. Ахъ, Саконтала! ты забыла еще одно растѣніе, которое вмѣстѣ съ тобою выросло подъ смотрѣніемъ отца нашего Канны.

Саконтала. Я вѣрно и себя забуду. Чудно! (*подходя къ растѣнію.*) О Пріямвада! я могу сказать тебѣ радостное извѣстіе.

Пріямвада. Какое, любезная подруга?

Саконтала. Сей Мадгавинной (*) кустъ совсѣмъ не въ свое время покрытъ

(*) Растѣніе съ длиннымъ стеблемъ, приносящее красные цвѣты. По-Англійски a creeper.

крытъ прекрасными цвѣтами отъ корня до верьху.

Обѣ подруги (бросясь къ кусту.) Въ самомъ дѣлѣ, милая Саконтала?

Саконтала. Смотрите сами.

Пріямвада (поспѣшно.) По сему знаку, Саконтала, я предвѣщаю тебѣ достойнаго супруга, который скоро будетъ обладателемъ руки твоей. *(Обѣ смотрятъ на Саконталу.)*

Саконтала (съ сердцемъ) У тебя странныя мысли!

Пріямвада. Нѣтъ, милая подруга, я не шучу; мнѣ сказалъ нѣчто отецъ нашъ Канна. Ты щастливо возрастила сіи растѣнія; а по сему я предсказываю скорое твое замужство.

Анузуя. Для того-то Саконтала и поливала ихъ съ такою охотою.

Саконтала. Сіе растѣніе есть сестра моя: какъ же мнѣ не поливать его? *(Поливаетъ.)*

Душманта (въ сторону.) Я нещастливъ, естьли она принадлежитъ къ священному роду своего воспитателя.

Или мучитъ меня неосновательный страхъ? Пламенное сердце мое чувствуетъ къ ней сильную склонность. Уже ли ей не возможно быть невѣстою воина? — Сомнѣнія могутъ нѣсколько времени безпокоить добраго, но скоро исчезаютъ оныя, когда склонность его постоянна. Я люблю ее — она вѣрно не дочь Брамінская, на которой по законамъ мнѣ не льзя жениться.

Саконтала (*трясетъ головою.*) Ахъ! изъ *маллики* вылетѣла пчела и вьется надъ головою моею.

Душманта (*съ нѣжностію въ сторону.*) Какъ часто видалъ я нашихъ придворныхъ дѣвицъ, умышленно вертящихся предъ летающимъ насѣкомымъ, единственно для того, чтобы показать свои прелести! Сія сельская красота открываетъ чело свое и во всѣ стороны обращаетъ свои глаза изъ одного страха, безъ всякаго искусства и украшенія. — Щастливая пчела! ты прикасаешься къ рѣсницѣ сего пріятно блистающаго глаза, и при-

бли-

ближаясь къ сему уху, жужжишь такъ тихо, какъ будто бы шепчешь тайну любви! Когда она прелестною рукою хочетъ отогнать тебя, ты пѣешь медъ на сихъ устахъ, въ которыхъ заключаются всѣ сокровища наслажденія! — и въ самую ту минуту, какъ ты вкушаешь высочайшее блаженство, я стою и размышляю, отъ какого рода она происходитъ!

Саконтала. Избавьте, избавьте меня отъ сего несноснаго насѣкомаго, котораго я не могу отогнать отъ себя!

Пріямвада. Какую власть имѣемъ мы освободить тебя? Царь Душманта есть единственный покровитель нашего освященнаго лѣса.

Душманта (въ сторону.) Теперь я могу показаться. (*Выходитъ.*) Бояться не чего. Однако жь (*останавливается и отступаетъ назадъ*) — не рано ли явиться въ видѣ Царя? Лучше скажусь простымъ странникомъ, требующимъ гостепріимства.

Саконтала. Безстыдная пчела не отпстаетъ. Я должна сѣсть въ другомъ мѣстѣ. (*Отходитъ и оборачивается назадъ.*) Прочь! прочь! она вездѣ за мною. Избавьте, избавьте меня отъ сей бѣды!

Душманта (*вдругъ показываясь.*) Гдѣ Пуровы потомки обладаютъ міромъ, и чрезъ вѣрное исполненіе мудрыхъ законовъ усмиряютъ самыхъ дерзостныхъ, тамъ осмѣливаются еще оскорблять любезныхъ дочерей благочестивыхъ пустынниковъ? (*Онѣ смотрятъ на него съ замѣшательствомъ.*)

Анузуя. Здѣсь никого нѣтъ изъ людей; любезная подруга наша испугалась пчелы. (*Анузуя и Пріямвада смотрятъ на Саконталу.*)

Душманта (*подходя къ ней.*) Щастіе да увѣнчаетъ кротость твою, любезная дѣвица! (*Саконтала молчитъ и закраснѣвшись потупляетъ глаза въ землю.*)

Анузуя. Мы должны принять гостя нашего съ надлежащимъ почтеніемъ.

Пріямвада. Здравствуй, странникъ! Поди, любезная Саконтала, принеси изъ хижины корзинку съ цвѣтами. Между тѣмъ рѣка омоетъ ноги его. (*Смотритъ на сосуды.*)

Душманта. Святая дѣвица! милостивыми словами своими оказываешь мнѣ много чести.

Анузуя. Сядь на семъ мѣстѣ, усѣянномъ *септаперновыми* (*) листьями. Тѣнь прохладительна, и страннику нужно успокоеніе.

Душманта. Вы сами конечно устали отъ своей гостепріимной услужливости; и такъ вмѣстѣ со мною отдохните.

Пріямвада (*тихонько Саконталѣ.*) Сядемъ съ нимъ; кажется, что гость доволенъ нами. (*Всѣ садятся.*)

Саконтала (*въ сторону.*) При видѣ сего юноши чувствую внутри себя такое движеніе, которое едва ли не про-

(*) Дерево.

противно святости мѣста, посвященнаго богослуженію.

Душманта (смотря на нихъ.) Какъ согласна дружба ваша, святыя дѣвицы, съ прелестнымъ равенствомъ возраста и красоты вашей!

Пріямвада (тихонько Анузуѣ.) Кто сей странникъ, любезная Анузуя? Нѣжность и сила въ его образѣ, пріятность и достоинство въ словахъ его означаютъ великаго человѣка.

Анузуя (тихонько Пріямвадѣ.) Я и сама удивилась ему. Надобно его разспросить. *(Вслухъ.)* Ласковыя рѣчи твои вселяютъ въ меня смѣлость. Какое царское поколѣніе украшается нашимъ благороднымъ гостемъ? Гдѣ отечество его, которое теперь вѣрно сожалѣетъ объ его отсутствіи? Что принудило тебя унизить высокой образъ свой и посѣтить лѣсъ, гдѣ живутъ одни пустынники?

Сакунтала (въ сторону.) Не мучь себя, сердце мое! Я должна открыть мысли свои вѣрной Анузуѣ и требовать у нее совѣта.

Душ-

Душманта (*въ сторону.*) Какъ мнѣ открыться? какъ притворяться? (*Въ размышленіи.*) Знаю. (*Вслухъ Анузуѣ.*) Прекрасная дѣвица! Я одинъ изъ толкователей *Веды* (*), живущихъ въ столицѣ Царя нашего, отъ Пура происходящаго; и стараяся исполнять должности закона и нравоученія, пришелъ сюда видѣть святилище добродѣтели.

Анузуя. Святые мужи, посвятившіе себя такимъ благочестивымъ упражненіямъ, суть наши повелители.

(*Саконтала показываетъ въ своихъ взорахъ скромность и нѣжность, а подруги ея смотрятъ то на нее, то на Царя.*)

Анузуя (*тихонько Саконталѣ.*) О! естьли бы отецъ нашъ былъ здѣсь — —

Саконтала. Такъ что же?

Анузуя. Онъ бы конечно угостилъ странника всякими плодами.

Са-

(*) Святыя книги Индѣйцовъ.

Саконтала (*съ досадою.*) Поди отъ меня! У тебя въ головѣ было другое; я не хочу тебя слушать. (*Отходитъ и садится въ другомъ мѣстѣ.*)

Душманта (*Анузуѣ и Пріямвадѣ.*) Позвольте и мнѣ, святыя дѣвицы, спросить васъ о прелестной подругѣ вашей.

Обѣ. Прозьба твоя дѣлаетъ намъ много чести.

Душманта. Мнѣ извѣстно, что мудрый Канна всегда устремляетъ мысли свои къ высочайшему Существу, и отказался отъ всѣхъ земныхъ союзовъ; и такъ можетъ ли сія дѣвица быть его дочерью?

Анузуя. Повелитель нашъ да благоволитъ меня выслушать. Въ родѣ Кузовъ былъ могущественный Царь, которой отличилъ себя и страхомъ Божіимъ и храбростію.

Душманта. Ты говоришь конечно о Каузикѣ, мудрецѣ и Государѣ.

Анузуя. И такъ знай, что онъ есть истинный отецъ ея, хотя Кан-

ня

на и носитъ на себѣ сіе почтенное имя, потому что онъ воспитывалъ ее, когда она осталась во младенчествѣ - -

Душманта. Осталась? Сіе слово возбуждаетъ во мнѣ любопытство; я желалъ бы знать ея исторію.

Анузуя. Ты услышишь ее въ немногихъ словахъ. Когда сей мудрый Царь началъ пользоваться плодами своей строгой жизни, тогда боги Свергскіе (*) устрашились его возрастающей силы, и послали Нимфу Менаку съ тѣмъ, чтобы она уничтожила все дѣйствіе его благочестія.

Душманта. Столь ужасна святость смертнаго для боговъ нижшихъ! — Что же сдѣлалось?

Анузуя. Въ прекрасный весенній день увидѣлъ Каузика прелести небесной Нимфы, и на крыльяхъ желанія — — (*останавливается и краснѣетъ*).

Душ-

(*) Сверга есть нижшее небо, жилище Духовъ.

Душмлита. Разумѣю. Саконтала есть царская дочь, рожденная отъ Нимфы нижшаго неба.

Анузуя. Точно такъ.

Душманта (*въ сторону.*) Желанїе сердца моего исполнилось. (*Вслухъ.*) Могла ли несравненная красоша ея быть жребїемъ смертнаго рожденїя? Оный лучезарный свѣтъ не изъ подъземной пещеры сїяетъ. (*Саконтала устремляетъ глаза свои въ землю.*)

Душманта (*въ сторону.*) Какъ я щастливъ! Пространное поле открылось для моего воображенїя. Но шутки подругъ надъ ея замужствомъ — —. Мучительное сомнѣнїе! какъ оно терзаетъ меня! — Естьли она совершенно посвятила себя духовной жизни?

Пріямвада (*съ улыбкою смотря прежде на Саконталу, а по томъ на Царя.*) Кажется, что почтенный странникъ хочетъ еще спросить о чемъ нибудь. (*Саконтала изъявляетъ движенїемъ руки свое неудовольствїе*) (*).

Душ-

(*) Прекрасная черта! Чувствуй, кто можетъ чувствовать! — К.

Душманта. Ты видишь сокровенное въ моемъ сердцѣ. Я въ самомъ дѣлѣ весьма любопытенъ знать всю судьбу прекрасной дѣвицы, и долженъ еще предложить тебѣ вопросъ.

Пріямвада. И ты думаешь о семъ такъ долго? (*Въ сторону*) Можно заключить, что какой нибудь строгой обѣтъ запрещаетъ благочестивому страннику ласкаться къ хорошимъ дѣвушкамъ.

Душманта. Я хочу знать, не обязанъ ли Канна, по строгимъ правиламъ пустынниковъ, отводить дочь свою отъ замужства и удерживать естественныя побужденія юной любви? Уже ли должна Саконтала — о жестокая судьба! — провести жизнь свою между любимыхъ антелопъ своихъ, которыхъ черные блестящіе глаза помрачаются сіяніемъ очей ея?

Пріямвада. Доселѣ жила она щастливо въ сей освященной рощѣ, въ обители духовнаго отца своего; но теперь назначаетъ онъ ее въ невѣсты юношѣ, достойному руки ея.

Душманта (*въ сторону и въ восхищеніи.*) Радуйся, сердце, и веселися! Всѣ сомнѣнія исчезаютъ. Чего ты прежде какъ пламени боялось, къ тому теперь можешь смѣло приближиться: пламя превратилось въ блестящій, неоцѣненный камень.

Саконтала (*кажется сердитою.*) Я не могу быть здѣсь долѣе, Анузуя.

Анузуя. Для чего же?

Саконтала. Пойду къ святой надзирательницѣ Гаутами, и скажу ей о нескромности нашей Пріямвады. (*Встаетъ.*)

Анузуя. Непристойно тебѣ, обитательницѣ сего святилища, уйти отсюда, прежде нежели мы оказали совершенную честь гостю. (*Саконтала не отвѣчаетъ, и хочетъ итти.*)

Душманта (*въ сторону.*) Какъ! она уже намѣрена уйти? (*Встаетъ и хочетъ удержать ее, но одумывается.*) Дѣйствія влюбленнаго бываютъ всегда скоры, потому что духъ его въ волненіи. Страсть побуждаетъ меня итти

ти

ти за прекрасною, но должность запрещаетъ.

Пріямвада (подходя къ Саконтале.) Нѣтъ, любезная, сердитая подруга моя! ты не можешь оставить насъ.

Саконтала (отступая назадъ и смотря на нее съ мрачною важностію.) Кто меня удержитъ?

Пріямвада. Ты дала мнѣ слово полить еще два куста. Исполни прежде свое обѣщаніе и успокой совѣсть свою; а потомъ ступай, куда хочешь.

Душманта. Саконтала кажется устала, поливая любимыя свои растѣнія. Цвѣты составляютъ красу стеблей; а руки ея, отъ слабости внизъ опущенныя, украшаются нѣжными пальцами; грудь ея трепещетъ отъ тяжелаго дыханія, и распущенные волосы ея, съ которыхъ теперь снала лента, занимаютъ одну изъ прекрасныхъ рукъ. Позвольте мнѣ симъ кольцомъ выкупить слово ея. *(Отдаетъ кольцо свое Пріямвадѣ, которая вмѣстѣ съ Ану-*

зусй видитъ на ономъ имя Душманты, и удивляется.) Оно недостойно твоего примѣчанія; но важно для меня по тому, что я получилъ его въ подарокъ отъ Царя.

Пріямвада. На что же ты отдаешь его? Довольно твоего слова — Саконтала свободна. (*Возвращаетъ ему кольцо.*)

Анузуя. Свободна по милости сего странника, который можетъ быть есть самъ Монархъ. (*Саконталѣ*) Куда хочешь теперь итти?

Саконтала (*въ сторону.*) Чудно, естьли все сіе не приведетъ разума моего въ помѣшательство!

Пріямвада. Пойдешь ли ты, Саконтала?

Саконтала. Развѣ я вамъ подчинена? Пойду, когда мнѣ вздумается.

Душманта (*въ сторону, смотря на Саконталу*) Или чувства ея согласны съ моими, или я внѣ себя отъ радости. Она не говоритъ со мною, а слушаетъ прилѣжно, что я говорю; не можетъ владѣть собою, и глаза

ся безпрестанно на меня устремляются.

За сценою. О вы, благочестивые пустынники! спасите, спасите звѣрей сего освященнаго лѣса, въ которомъ нынѣ Царь Душманта стрѣляетъ ихъ! Пыль, подымаемая копытами его коней (когда они ступаютъ на красные камешки, цвѣтомъ подобные багряной зарѣ), падаетъ какъ пагубная ржа на освященныя вѣтьви, на коихъ висятъ ваши мантіи, изъ коры сплетенныя и мокрыя отъ рѣчной воды, въ которой вы ихъ мыли.

Душманта (въ сторону.) Люди мои вѣрно ищутъ меня, и безпокоятъ теперь сію тихую обитель.

За сценою. Берегитесь, пустынники, онаго слона, который на бѣгу своемъ все попираетъ. Теперь обхватываетъ онъ хоботомъ своимъ высокое дерево, на пути стоящее; теперь запутывается онъ въ гибкихъ стеблѣхъ *вратати* (*). Нарушаются

*) Растѣніе.

священные обряды наши! Стада, доселѣ покойныя, разбѣгаются! Дикій слонъ, устрашенный необыкновеннымъ явленіемъ колесницы, опустошаетъ лѣсъ.

Душманта (*въ сторону.*) Противъ воли моей оскорбляю лѣсныхъ братій; мнѣ должно итти къ нимъ.

Пріямвада. Благородный странникъ! мы боимся яростнаго слона, и чувства наши въ замѣшательствѣ. Позволь намъ сокрыться въ хижину пустынника.

Анузуя. О Саконтала! почтенная надзирательница будетъ о тебѣ безпокоиться. Пойдемъ скорѣе, чтобы укрыться намъ отъ опасности.

Саконтала (*идетъ медленно.*) Ахъ! я не могу итти далѣе! У меня вдругъ заболѣла грудь.

Душманта. Не бойтесь ничего, любезныя дѣвицы. Я постараюсь все успокоить въ освященномъ лѣсу вашемъ.

Пріямвада. Великодушный странникъ! намъ неизвѣстенъ былъ санъ твой; прости, что мы не оказали те-

бѣ всей надлежащей чести, и позволь намъ надѣяться, что ты вторично удостоишь насъ посѣщенія своего, не взирая на то, что мы угостили тебя весьма несовершенно.

Душманта. Вы не отдаете справедливости вашимъ достоинствамъ: довольно для меня и той чести, что я видѣлъ красоту вашу.

Саконтала. Ахъ, Анузуя! колючая трава *кусса* уязвила ногу мою; и одежда моя зацѣпилась за вѣтьви *хорувака*. Помоги мнѣ высвободиться, и поддержи меня. (*Уходитъ, часто обращая взоръ свой на Царя, и опираясь на подругъ своихъ.*)

Душманта (*вздыхая.*) Онѣ ушли, и мнѣ, къ сожалѣнію, итти должно. Щастливое время, въ которое смотрѣлъ я на несравненную Саконталу, показалось мнѣ однимъ мигомъ. Теперь отправлю въ городъ служителей моихъ, а самъ останусь здѣсь и буду всеминутно воображать ее. На что иное могу рѣшиться? Хотя тѣло мое движется впередъ, но безпокойное

мое сердце летитъ къ ней обратно, подобно легкимъ листочкамъ камыша, которые, будучи несомы на трости противъ вѣтра, всегда назадъ обращаются. (*Уходитъ.*) (*)

V.

ЭВФРАЗІЯ КЪ МЕЛКУРУ.

Переводъ изъ Дората.

Ты побѣдилъ, Мелкуръ! Судьба моя свершилась!
Изгнавъ раскаянье, любви я покорилась.
Огнемъ ея горю, ей шествую во слѣдъ;
Предъ пламенемъ ея разсудка мраченъ свѣтъ,
Душа теперь во мнѣ покоемъ услажденна.
Могу ль виновна быть, столь будучи блаженна!
Мнѣ

(*) Въ слѣдующихъ мѣсяцахъ будутъ напечатаны еще нѣкоторыя сцены изъ Саконталы. — К.

Мнѣ ль сомнѣваться? Нѣтъ, любовница винна,
Коль слабъ въ ней жаръ любви, иль естьли невѣрна.
Люблю тебя на вѣкъ; твоей предавшись волѣ,
Я въ мірѣ ужь другой не зрю и славы болѣ.
Живущей въ тягостной, въ томящей тишинѣ,
Безчувствіе души казалось честью мнѣ;
Ты просвѣтилъ мой умъ, и лучь мнѣ драгоцѣнный,
Блеснувъ отъ глазъ твоихъ, спокоилъ духъ смущенный.
Пролиты слезы мной къ боязни ты причти;
Холодность ты моихъ объятій мнѣ прости;
Прости мнѣ вздохи тѣ, которыхъ не сдержала,
Которыми тебѣ и средь утѣхъ скучала.
Въ толь юныхъ лѣтахъ мнѣ поставишь ли виной,

Быть робкой, ввѣряся любовнику вер-
вой?
Непобѣдимыя, толь милы побужденья,
Готовятъ ужасъ намъ въ минуту на-
слажденья.
Внушенны правила отъ самыхъ дѣт-
скихъ лѣтъ,
Желанья новыя, ихъ смутность, ихъ
предметъ;
Чрезмѣрность самая утѣхъ намъ путь
къ боязни,
Чѣмъ болѣ радостей, тѣмъ болѣ ждемъ
мы казни.
Но коль начавъ внимать въ себѣ раз-
судка гласъ,
Возлюбимъ склонность мы вліянну Не-
бомъ въ насъ;
Какъ склонность въ насъ сія усилит-
ся, созрѣетъ,
Обманутой дотоль душею овладѣетъ:
Тогда ужь слабостью любуяся своей,
Лишь слезы нѣжности польемъ мы изъ
очей,
И сѣтовать начнемъ, страшась, что
любимъ мало

Того,

Того, кого любить въ насъ сердце
трепетало.
Законъ, святый законъ! гонитель
строгій злыхъ!
Уже ль преступокъ есть въ неложныхъ
чувствахъ сихъ!
Къ тебѣ взываю я, къ твоей прибѣг-
ну власти:
Ты въ трепетъ вводишь духъ, а не
отъемлешь страсти.
Душа, надъ коей власть тебѣ принад-
лежитъ,
Мелкуру отдалась: его боготворитъ.
Средь храма зрю его ... Я внемлю,
онъ вѣщаетъ....
Зоветъ меня, своимъ мнѣ правомъ
упрекаетъ;
Вездѣ мной властвуетъ. ... И преле-
сти его
Сильнѣй угрозъ твоихъ для сердца
моего.
А естьли я когда и тщуся быть су-
ровой,
Готовлю тѣмъ ему лишь путь къ по-
бѣдѣ новой.

По-

Почто жь въ душѣ, гдѣ ты, божественный законъ!
Гдѣ споришься ты съ нимъ, почто жь все властенъ онъ?
Дай сердцу, склонну лишь заняться имъ единымъ,
Иль силу побѣдишь, иль право дай быть виннымъ!
За нѣжность Богъ не мститъ; любовь внушенна Имъ:
Могла ль повелѣвать я чувствіемъ моимъ?
Свободна ль я, Мелкуръ? — Въ подвластной смертныхъ долѣ,
Любя, покорствую Творца я вышней волѣ;
Онъ мой устроилъ путь; на судъ Его иду;
Руководима Имъ, я въ бездну не впаду. —
И льзя ль, чтобъ восхотѣвъ меня виновной видѣть,
Велѣлъ Онъ то любить, что должно ненавидѣть?
Нѣтъ, нѣтъ; лишь въ первый разъ узрѣла я тебя,
Не-

Невѣдому дотоль познала радость я,
И свыше силъ моихъ мной властвующа сила
Вдругъ душу всю мою въ тебя переселила.
Въ восторгѣ, въ чувствѣ семъ, — не вѣрю, — нѣтъ вины!
Пороку сладости такія не даны;
И тѣмъ скорѣй, Мелькуръ, любовь мной овладѣла,
Что непорочность въ ней я наконецъ узрѣла.
Пріятно мнѣ твердить, сколь щастливъ жребій мой.
Хвались, тебѣ то льзя, что властвуешь ты мной.
Любовникъ, изо всѣхъ щастливѣйшихъ избранный!
Истощевай права, тебѣ любовью данны.
Въ какомъ ничтожествѣ не знавъ тебя была!
Томясь, я можетъ быть порочну жизнь вела;
Въ дремотѣ, безъ утѣхъ, равно какъ безъ печали,
Младые дни мои напрасно протекали.
Въ

Въ заботы суетны вдавала я себя,
Къ священѣйшимъ должностямъ усердье
погубя.
Творецъ казался мнѣ лишь грознымъ
властелиномъ,
И весь законъ мой былъ лишь въ ужа-
сѣ единомъ.
Люблю теперь, люблю — и мѣръ от-
радѣ нѣтъ!
Мелкуромъ для меня сталъ весь укра-
шенъ свѣтъ.
Восходъ зари во мнѣ желанья пробуж-
даетъ;
Забавы наши ночь подъ свой покровъ
скрываетъ;
Въ весенни свѣтлы дни я въ рощахъ
зрю густыхъ
Убѣжищъ тысячу для насъ съ тобой
двоихъ.
Перераждаюсь вновь, и нову зрю все-
ленну,
Любовью красиму, любезнымъ ожив-
ленну.
И обществъ нашихъ долгъ не столь
ужь мнѣ суровъ.

Подъ

Подъ игомъ не стеню, не стражду
отъ оковъ;
Тирана злобнаго я въ Богѣ зрѣть пре-
стала,
И лишь любить начавъ, я благость въ
Немъ признала.
Сколь драгоцѣнна быть должна ду-
шѣ моей
Начальница сихъ мѣстъ, препоручен-
ныхъ ей!
Она монашества мнѣ бремя облегчила,
И въ страсти намъ съ тобой не знав-
ши послужила.
Привязанностью бывъ моей убѣждена,
Мнѣ нѣжной матерью является она.
Ея старанія обоимъ намъ полезны;
Открыли мнѣ тотъ свѣтъ, гдѣ мой
живетъ любезный.
Въ ученіяхъ ея нѣтъ правилъ грубыхъ
тѣхъ,
По коимъ тотъ лишь добръ, кто бѣ-
гаетъ утѣхъ.
Ахъ! сердце было знать ея любви
подвластно!
Не льзя, столь нѣжно бывъ, чтобъ не
бывало страстно.

Все

Все служитъ намъ: моей безвин-
ности то знакъ.
Эвфразью скрылъ отъ всѣхъ благо-
пріятный мракъ.
Предавшихся любви богъ нѣкій охра-
няетъ;
И въ тайны нашихъ душъ никто не
проницаетъ.
Другъ въ другѣ зримъ весь міръ; мы
въ пламени своемъ
Изобличенными не можемъ быть ни-
кѣмъ.
Чѣмъ скрытнѣй наша страсть, тѣмъ
въ насъ она сильнѣе;
Отъ строгости сихъ мѣстъ свиданье
намъ милѣе.
По маломъ времени разстаться бывъ
должны;
Въ забавахъ мы своихъ тѣмъ болѣ зримъ
цѣны. —
Нѣтъ, ты не знаешь, сколь я щастли-
ва тобою,
И сколь любуюсь тѣмъ, что ты сталъ
избранъ мною!
Не говорю о тѣхъ часахъ прелестныхъ
мнѣ;

Толь

Толь краткихъ, но всегда присутственныхъ въ умѣ.
Минуты сладостны! васъ умъ не постигаетъ!
Вы свыше словъ тому, кто прямо васъ вкушаетъ!
Душа, въ которой страсть неложна возжена,
И послѣ сихъ минутъ утѣхъ не лишена;
Успокоенье чувствъ дастъ сердцу полну сладость;
Восторги ихъ прошли, но въ немъ хранится радость.
Воспоминаньемъ всѣ я услаждаю дни.
Любви дарамъ нѣтъ мѣръ; безчисленны они.
Когда Мелкура нѣтъ, я съ жаромъ занимаюсь
Той сладкою мечтой, чрезъ кою съ нимъ встрѣчаюсь.
Его я имя вслухъ разъ тысячу скажу;
Который любитъ онъ, тотъ голосъ я твержу;

И чувствій на него направя все волненье,
Въ бреду я часто зрю и правды совершенье ...
Но что сказала я? — Мелкуръ, приди ко мнѣ!
Дай въ явѣ чувствовать, что чувствую во снѣ!
Я вся твоя: владѣй Эфразіей своею!
Любови взоръ есть святъ; все непорочно съ нею.
Ты жалобъ не страшись, ни стона отъ меня;
А развѣ бойся лишь чрезмѣрности огня.
Клянуся Небу въ томъ! — Ты, кѣмъ питаю душу,
Престань меня любить, коль клятву я нарушу!

Перевелъ Ю. Н. М.

VI.

О ДОСУГѢ.

Сочиненїе Философа Гарве (*).

"Οσιον τι ἡ σχολή.

Досугъ есть нѣчто святое.

Подъ *досугомъ* разумѣю я то состоянїе человѣка, въ которомъ ему свободно заниматься тѣмъ, что для него пріятнѣе. И такъ существо онаго состоитъ во внутренней свободѣ духа относительно къ предмету вниманія его и вообще къ употребленїю его силъ.

Досугу противны два рода жизни: *жизнь дѣловаго человѣка* и *разсѣянная жизнь*. Въ первой принужденная работа, а во второй условныя забавы, или удовольствїя, нѣкоторое опредѣленное время занимаютъ душу,

(*) Переведено изъ Deutſcher Monatsſchrift, Февраля мѣсяца 1792 года. Сія пiеса полюбилась мнѣ простотою, ясностїю и стройнымъ теченїемъ мыслей. — К.

такъ что сіе не зависитъ уже отъ ея свободнаго выбора. Придворной во всей своей пышности имѣетъ такъ же мало досуга, какъ поденщикъ или ремесленникъ, которой трудами достаетъ себѣ хлѣбъ. Оба они въ нѣкоторомъ смыслѣ невольники; оба идутъ по назначенному для нихъ пути, и проводятъ одинаковымъ образомъ какъ нынѣшній, такъ и завтрашній день.

Отъ досуга весьма отлична праздность; сія послѣдняя есть бездѣйствіе, а досугъ есть внѣшняя возможность произвольной, самоизбранной, и слѣдственно благороднѣйшей дѣятельности.

Въ нѣкоторомъ положеніи одинъ находитъ свободное время, а другой нѣтъ: сіе происходитъ отъ *разной силы дѣйствующаго духа*. Дѣла, которыя одного человѣка къ землѣ пригнѣтаютъ, и не даютъ ему перевести духа, суть для другаго забава, и не мѣшаютъ ему заниматься иными предметами, хотя бы для сего и не могъ онъ назначать особливаго вре-

мя-

мени. Одинъ, такъ сказать, упиваетъся общественными весельями, и забываетъ себя, должности свои и всякое умное размышленіе. Другой живетъ въ томъ же шумѣ и бываетъ трезвымъ, свободнымъ, мыслящимъ человѣкомъ и — можетъ быть — наблюдающимъ Философомъ. — Для всякаго человѣка вредно то положеніе, которое отнимаетъ у него душевную свободу и затмѣваетъ разумъ его. — По чему дѣятельная и разсѣянная жизнь имѣютъ весьма различное вліяніе на разныхъ людей. Слабые дѣлаются въ первой *машинами*, а въ послѣдней легкомысленными, *пустыми* или распутными (*). Напротивъ того сильные отъ работы становятся еще сильнѣе, а отъ разсѣянія тонѣе въ разумѣ, не теряя ни мало своихъ природныхъ способностей.

(*) Я никогда не соглашусь писать *распустными*, хотя одинъ изъ первыхъ знатоковъ Рускаго языка требовалъ того.

Но какъ весьма рѣдкіе люди имѣютъ сію превосходную силу, которая преодолѣваетъ множество представляющихся имъ предметовъ, важныхъ или увеселительныхъ, и переработываетъ ихъ такъ, что ни духовное, ни нравственное совершенство человѣка отъ того не повреждается: то для всякаго способнаго и внутренно дѣятельнаго духа полезно быть въ такомъ состоянїи, въ которомъ бы внѣшнїе предметы не тѣснили его, и чуждая власть или нужда не обременяла бы его дѣлами. Когда сїя внѣшняя независимость будетъ долею человѣка съ дарованїями и съ благороднымъ сердцемъ — человѣка, которой по собственному побужденїю занимается истинною и добродѣтелїю: тогда она, какъ Сократъ говорилъ, есть нѣчто святое — почтенное состоянїе, подобное тому, въ которомъ мы представляемъ себѣ высочайшее Существо.

Спокойная дѣятельность есть уже сама по себѣ прекрасное свойство.

Дѣ-

Дѣятельность по собственному избранію есть второе великое преимущество. Когда же безпрестанно обращена будетъ къ общеполезной цѣли, тогда можетъ она высоко вознести человѣка и быть для свѣта весьма полезною.

Но для человѣка несовершеннаго, которой находится еще на первой степени своего образованія, досугъ не весьма полезенъ. Подобно какъ внѣшніе предметы должны сперва привести въ движеніе наши чувства, прежде нежели разумъ начинаетъ дѣйствовать: такъ и духовныя силы многихъ людей должны приведены быть въ порядочное дѣйствіе *данными дѣлами*, прежде нежели сіи люди, будучи оставлены самимъ себѣ, могутъ быть для себя и для другихъ полезны.

Глупой человѣкъ засыпаетъ, какъ скоро нѣтъ работы ни рукамъ, ни ногамъ его. Несовершенно образованный человѣкъ требуетъ отъ другихъ предмета для его размышленія; онъ имѣетъ нужду въ побужденіи, въ должности, въ опредѣленномъ дѣлѣ.

Только не многіе, избранные люди — какъ говоритъ Цицеронъ о Африканѣ — наиболѣе занимаются тогда, когда они наиболѣе свободны отъ всякой принужденной работы.

Вихрю подобное движеніе атомы есть образъ безпокойной дѣятельности; движеніе небесныхъ тѣлъ есть образъ дѣятельнаго досуга. Поспѣшность и безпрестанное *отскакиваніе* означаютъ первую; постоянство и хотя медленное, но вѣрное достиженіе цѣли, есть характеръ послѣдняго.

Кто можетъ говорить о досугѣ, не упомянувъ о сельской жизни и наукахъ? Нигдѣ досугъ такъ не пріятенъ, какъ въ деревнѣ; никакимъ предметомъ не можетъ онъ быть столь хорошо занятъ, какъ науками. Городъ есть мѣсто ремесла, государственныхъ дѣлъ и разсѣянія; деревня есть жилище спокойствія, размышленія, свободы. Одинъ видъ Природы и ея перемѣнъ представляетъ безпечному человѣку всегдашній источникъ

никъ продолжительнаго удовольствія и забавы. Но сколь богата сія Природа духовною пищею для того, кто или умѣетъ наблюдать ея сокровенную дѣятельность, или посредствомъ чувствованій, ею возбуждаемыхъ, возносится до высочайшихъ умозрѣній! Сколь щастливъ человѣкъ, когда онъ видитъ предъ собою часть вселенной, украшенную всѣми весенними прелестями, и когда живыя силы Природы въ его глазахъ развиваются; когда онъ размышляетъ о цѣломъ, о происхожденіи сей вселенной, о чувствительныхъ и разумныхъ ея жителяхъ, о перемѣнахъ, съ ними происшедшихъ, и будущей судьбѣ ихъ! — Никогда Исторія и древность не бываютъ для меня столь интересны, какъ въ то время, когда общіе предметы, видѣнные всѣми земнородными, и общія радости, которыми всѣ люди наслаждались, моимъ глазамъ представляются, и занимаютъ чувства и разумъ мой. Оные Герои, оные мудрецы временъ протекшихъ, видѣ-

ли также сіе солнце (*), согрѣвались также лучами его; и они радовались возвращенію весны, и на лугахъ своихъ восхищались тѣми же образами, крас-

---

(*) Переводя сіе мѣсто, я вспомнилъ, что въ Прогулкѣ моей, напечатанной года за четыре передъ симъ въ Дѣтскомъ Чтеніи, сказано нѣчто подобное, и сказано по собственному моему чувству. Изъ любопытства заглянулъ я въ сей томъ Чтенія, и нашелъ слѣдующее: „Великолѣпное свѣтило! „сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ „нашъ! сколько тысящелѣтій питаешь его животворными своими изліяніями!... Бывъ свидѣтелемъ тысячи „перемѣнъ на землѣ нашей, ты ни въ „чемъ не перемѣнилось. Въ сей день, въ „сей часъ, за пять или за шесть тысячъ „лѣтъ передъ симъ, какой нибудь мудрецъ, котораго память загладилась „уже въ лѣтописяхъ нашихъ, преклонивъ колѣна, со благоговѣніемъ воспиталъ къ тебѣ:„ *Солнце величественное! ты сокрываешься отъ насъ, свершивъ дневный путь свой; но завтра паки явишься на горизонтѣ возвѣщать славу Творца нашего.*

красками, звуками и ароматами, какими я теперь восхищаюсь. Когда же невидимый мїръ, духъ человѣка, Богъ и вѣчность, бываютъ предметомъ моего размышленїя: то всего болѣе вводятъ меня въ сїи сокровенности, (и помогаютъ разуму моему вознестися выше чувственности) оныя явно-согласныя дѣйствїя неба и земли, для рожденїя и возрастанїя искусно образованныхъ травъ и цвѣтовъ, для жизни и удовольствїя чувствительныхъ тварей. Въ минуты разслабленїя, когда истощаются духовныя силы и нить размышленїя перерывается, нахожу я вокругъ себя чувственные предметы, которые и безъ глубокомыслїя могутъ увеселять меня — предметы, которые успокоиваютъ духъ безъ разсѣянїя, освѣжаютъ жизненныя силы, и черезъ нѣсколько минутъ отдохновенїя дѣлаютъ человѣка снова способнымъ къ работѣ.

Сельская жизнь не можетъ долго нравиться тому, кто не обработываетъ или самой земли, на которой живетъ, или поля наукъ и Литературы.

туры. Съ другой стороны уединенїе и прилѣжное ученье скорѣе всего могутъ наскучить въ городскихъ стѣнахъ, даже и тому, кто безъ помощи другихъ людей умѣетъ находить удовольствїе.

Природа и Наука суть родныя, любезныя сестры. Оная представляетъ глазамъ человѣка внѣшнїе образы и видимыя перемѣны вещей, а сїя изслѣдываетъ ихъ внутреннее естество и таиныя пружины. Наслаждаясь вмѣстѣ и той и другою, можетъ онъ жить долго, не имѣя нужды въ другихъ дѣлахъ или удовольствїяхъ. И когда есть у него другъ, которой подобно ему любитъ Природу и Науку; естьли обстоятельства позволяютъ ему еще дѣлать благодѣянїя нѣкоторымъ людямъ, и служить другимъ: тогда въ сельской жизни своей будетъ онъ совершенно дѣятеленъ, и насладится всѣмъ щастїемъ, которымъ человѣкъ, по ограниченной своей натурѣ, можетъ здѣсь наслаждаться.

VII.

VII.

ФІЯЛКА. (*)

Милое подобіе человѣка кротkаго и добродѣтельнаго! Любимая и старшая дщерь весны, любезная фіялка! какимъ пріятнымъ запахомъ наполняешь ты рощу сію! Преклонившійся къ землѣ примѣчатель едва обрѣтаетъ тебя въ густомъ злакѣ! — Между тѣмъ, какъ горделивая лилея, украшенная цвѣтомъ одеждъ царскихъ, возноситъ изъ средины дикихъ растѣній, вокругъ корня ея прозябающихъ, свою надменную главу, нѣжно колеблемую дуновеніемъ любострастныхъ зефировъ; ты, неозаряемая и самыми пронзительнѣйшими лучами свѣтоноснаго бога, тайно процвѣтаешь подъ сѣнію густаго и престарѣлаго дуба, или близь стѣны, во времена древности еще воздвигнутой, пресмыкающимся плющемъ и сѣдымъ мхомъ всегда по-

---

(*) За письмо и за сію пїесу изъявляю мою благодарность. К.

покрытой. Будучи скромна, ты сокрываешь отъ насъ твои прелести; видя сама красоту свою, ты не возносишься, не тщеславишься ею, но еще недовѣряешь себѣ! Подобно младой пастушкѣ — вседневно стрегомой неусыпнымъ Аргусомъ, и навсегда удаленной отъ опаснаго свиданія съ любящимъ ее пастухомъ — ты спокойно распускаешься и растешь въ травѣ, бывшей твоимъ младенческимъ ложемъ, и не страшишься дерзновенной руки юноши, которой бы сорвалъ тебя токмо для того, чтобъ увѣнчать тобою грудь его любезной. — Ты не прежде блекнешь и томно преклоняешься, какъ тогда, когда Природа, искусною кистію твои нѣжные листочки украсившая, престаетъ сохранять и питать тебя.

Живое и неложное изображеніе мужа смиренномудраго! О фіялка, цвѣтокъ любимый Авророю и Паледою (*)! Зри, сколь уединеніе и безлюдныя до-

(*) Паледа есть богиня паствъ.

долины ему любезны! Колико кратъ приходилъ онъ на брегъ сего излучистаго ручья, въ глубокомъ безмолвіи дивиться твоимъ красамъ, въ зерцалѣ водъ повтореннымъ! Подобно Тебѣ, сей скромный послѣдователь добродѣтели умѣетъ хранить въ себѣ неистощимое сокровище полезныхъ знаній, вседневно имъ пріобрѣтаемыхъ за цѣну его здравія, спокойствія и шумныхъ забавъ, суетно манящихъ его къ безразсудному разсѣянію и недостойному удовольствію, коими онъ гнушается.

Онъ кротокъ и смиренъ, подобно тебѣ. Не хочетъ онъ, чтобъ слухъ о великихъ дѣлахъ его далеко простирался и производилъ зависть въ сердцѣ славолюбиваго; но соотечественники и друзья его познали истинное щастіе, щастіе мудраго, послѣдуя его благочестію; и сирый восхитился — горькія слезы престали орошать его блѣдныя ланиты, когда узрѣлъ онъ сего друга человѣчества, нисходяща, яко Ангела мироносна, подъ вет-

хій

жїй кровъ стыдливой и робкой бѣдности, и подающа благотворною десницею помощь, которую отъ истинно отеческаго и чувствительнаго сердца подаетъ онъ всѣмъ нещастнымъ. — О снисхожденіе! о смиреніе! драгія и рѣдкія добродѣтели! Пусть безразсудный богачь, васъ презирающій, въ несносномъ высокомѣріи своемъ скажетъ о васъ: „Смиреніе есть малодушіе, а снисхожденіе подлость„! Но я чтить васъ не престану; не престану славословить на струнахъ сей простой лиры моей, дружествомъ настроенной. Воспою васъ и тогда, какъ придетъ обратно весенній мѣсяцъ, въ который паки расцвѣтшая фіялка, слезами Авроры воспоенная, украситъ густый злакъ, сокрывающій ее отъ пламенныхъ лучей небеснаго свѣтила.

Перевелъ Павелъ Львовъ.

VIII.

VIII.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

С. Петербургъ, Маія 10 дня, 1792.

— — — — —

— — — — — (*)

Путешественникъ вашъ, будучи въ Лозанѣ, благословилъ память покойной Княгини Екатерины Николаевны Орловой, надъ воздвигнутымъ ей монументомъ; а я, читая письмо его, оросилъ оное слезою, извлеченною чувствованіемъ благодарности и безпредѣльнаго почтенія къ покойной. *Она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!* Правда. Красота ея изображала прекрасную ея душу.

Какъ Ангелъ красоты, являемый съ небесъ,
Пріятностьми она и разумомъ блистала,
Съ нѣжнѣйшею душой геройски умирала,
Супруга и друзей повергла въ море слезъ.

(*) Сколь ни лестно для меня начало письма, но я не могъ напечатать онаго. Впрочемъ искренно и сердечно благодарю почтеннаго Θеостика-Филетера — К.

Вотъ надпись, сочиненная къ ея портрету дражайшимъ сердцу моему, спариннымъ моимъ другомъ и новымъ благодѣтелемъ, коего душа красотою своею подобна душѣ, въ сей надписи имъ воспѣтой. Перо его вамъ извѣстно. Оно украсило стихами нѣкоторыя книжки вашего Журнала. Я надѣюсь, что вы не отречетесь напечатать и сей надписи съ симъ письмомъ, такъ, какъ оно къ вамъ посылается. Ежели оное напечатано будетъ, то я и впредь присылать буду краткія сочиненія и переводы для помѣщенія въ Журналѣ вашемъ (*). Пребываю, и проч.

Феостигъ-Филетеръ.

IX.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(*Продолженіе*).

Кто, будучи въ Женевской Республикѣ, не почтетъ за пріятную дол-

(*) Чѣмъ Издатель будетъ весьма одолженъ.

должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка?

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда идетъ къ нему прекрасная алея. Передъ домомъ, на лѣвой сторонѣ, увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу.*

„Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Божества (говоритъ де-ла-Гарпъ въ похвальномъ „Словѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu „n'existait pas, il faudrait l'inventer „(*естьли бы не существовалъ Богъ, то „надлежало бы Его выдумать*) — сей „прекрасной стихъ написанъ имъ въ „старости, и показываетъ его философію.„

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ

никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, то есть въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Гжа. Вильетъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черной монументъ, на которомъ написано въ серединѣ: ſon éſprit eſt partout, & ſon coeur eſt ici (*духъ его вездѣ, сердце его здѣсь*), а въ верьху: mes manes ſont conſolés, puiſque mon coeur eſt au milieu de vous (*тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ*). На стѣнахъ висятъ портреты: первой нашей Императрицы, шитый на шелковой матеріи, съ подписью: preſenté à Mr. Voltaire par l' Auteur, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ бо́льшимъ примѣчаніемъ и съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели на другіе); — второй покойнаго

Прус

Прусскаго Короля; третїй Ле-Кеня, славнаго Парижскаго Актера; четвертой самого Вольтера, и (пятой) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе, нежели другомъ. Между гравированными изображенїями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д' Аламберта, Франклина, Гельвецїя, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочїе эстампы и картины не важны. — Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторовъ осьмаго-надесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сїю взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣрїе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жер-

твы въ нашей Европѣ (*). — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто лучше его не умѣлъ показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ, и никакая Философія не могла устоять противъ его иронїи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствїе — смѣяться! — Вообще въ сочиненїяхъ его не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Геній Натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сїи идеи и понятны бываютъ только немногимъ людямъ, и по тому самому кругъ дѣйствїя ихъ весьма ограниченъ. Всякой любуется паренї-

(*) Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрїя не отличалъ истинной Христїанской Религїи, которая, по словамъ одного изъ живущихъ его соотечественниковъ, находится къ оному (то есть къ суевѣрїю) въ такомъ же отношенїи, въ какомъ находится правосудїе къ ябедѣ.

реніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ *Заиры?* но многіе ли удивляются *Отеллу?* Тотъ, кто читаетъ наизусть цѣлыя страницы изъ Расина, не знаетъ, что есть на свѣтѣ Гете. —

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ изъ окошекъ своихъ видѣть *бѣлую* Савойскую *гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистой прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерово твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева, прочиталъ

я съ чувствомъ сіе мѣсто въ де-ла-Гарповомъ похвальномъ Словѣ:

„Подданные, лишенные отца и го-„сподина своего, и дѣти ихъ, наслѣд-„ники его благодѣяній, скажутъ стран-„нику, которой совратится съ пути „своего, чтобы видѣть Ферней: *Вотъ „домы, имъ построенные — убѣжище, „которое далъ онъ полезнымъ искус-„ствамъ* (*) *— поля, которыя обога-„тилъ онъ плодами. Сіе многолюдное „и цвѣтущее селеніе родилось подъ „его смотрѣніемъ, родилось среди „пустыни. Вотъ рощи, дороги и тро-„пинки, гдѣ мы столь часто его ви-„дали. Здѣсь горестное Каласово се-„мейство окружило своего покровите-„ля; здѣсь сіи нещастные обнимали „колѣна его. Сіе дерево посвящено благо-„дорностію, и сѣкира никогда не от-„дѣлитъ его отъ корня. Онъ сидѣлъ „подъ его тѣнію, когда разоренные по-

(*) Извѣстно, что Вольтеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, которые принуждены были оставить Женеву.

„*поселяне пришли требовать его по-*
„*мощи; тутъ проливалъ онъ слезы*
„*сожалѣнія, и скорбь бѣдныхъ превра-*
„*тилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ*
„*видѣли мы его въ послѣдній разъ* —
„— и внимающій странникъ, которой
„при чтеніи Заиры не могъ удержать
„слезъ своихъ, прольетъ можетъ быть
„еще пріятнѣйшія въ память благо-
„творителя.„

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми Англичанами, и пили очень хорошее Французское вино, желая блаженства душѣ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели меня въ свои такъ называемые *серкли*, которыхъ здѣсь очень много, и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи по-

вѣрили Франціи милліоны, и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы Французы не сказались банкрутами, отъ чего могутъ разориться въ Женевѣ первые домы. Но тебя, бѣдной сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбитъ, Бѣлградъ взятъ — никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучатъ рюмки и стаканы, когда Слава протрубитъ щастливый подвигъ сыновъ твоихъ; реинвеинъ и вино Токайское пѣнятся въ кубкахъ; раздаются торжественныя нѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самой веселой; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли

пѣ-

пѣсни. Послѣ стола иные катались въ лодкѣ по озеру, другіе играли *въ шары*, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семъ пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись, наступилъ на змѣю, и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала вверьхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но естьли Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся!*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чтобы вы адрессовали письма свои

à la grande rue, No 17. На сей разъ простите.

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафатера, не получалъ я отъ васъ ни одной строки. Не совѣстно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я только посредствомъ васъ сообщаюсь съ любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть полное понятіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Операѣ. Строгой, любезной Руссо! соотечественники твои не послушались тебя, построили Театръ и любятъ его страстно (*). Здѣсь играютъ двѣ Дижонскія Трупы: одна лѣтомъ

(*) Руссо съ великимъ жаромъ утверждалъ, что Театръ вреденъ для нравовъ.

томъ и осенью, а другая зимою и весною; первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Атиса, большую оперу, которой музыку сочинялъ славной Пичини. Въ композиціи есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: Vivre ou mourir, которую поютъ нещастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибелы, прекрасна, несравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ *опереткъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ les petits Savoyards (маленькіе Савояры); есть трогательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человѣкъ двѣнадцать. Дацкой Баронъ, Французской Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по-Нѣмецки,

и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французской языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ бранится по-Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и готовъ драться всякую минуту; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ. — Маркизъ сказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать, и никакъ не хочетъ заводить знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе. Даетъ чувствовать, что онъ Авторъ; хвалитъ Ж. Жака, и *увѣряетъ*, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Натурою. Вольтеръ, говоритъ онъ, былъ человѣкъ умной, но разсуждалъ очень худо. Однако жь Г. Маркизъ собирается ѣхать въ Ферней, думая, что въ Вольтеровомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спу-

стит-

стится на его голову. — Женевской бравой КапитанЪ, служившій нѣсколько лѣтЪ Королю Прусскому, говоритЪ весьма охотно, и по временамЪ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденЪ бываетЪ *ретироваться*, когда загремятЪ громы изЪ устЪ БаронскихЪ. Всѣ піесы, играемыя на здѣшнемЪ Театрѣ, хвалитЪ онЪ одинакимЪ образомЪ. *Эдипъ*, по его словамЪ, eſt rempli de ſentiment (исполненЪ чувства); и опера *Кузнецъ* eſt rempli de ſentiment (исполнена чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляютЪ насЪ смѣяться. — Между прочими есть еще одинЪ примѣчанія достойной человѣкЪ, родомЪ ЖеневецЪ, которой объѣздилЪ всѣ четыре части свѣта, присвоилЪ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлЪ увѣрить меня, что многіе изЪ жителей Патагоніи бываютЪ ростомЪ въ четыре аршина.

ДокторЪ БеккерЪ пріѣхалЪ въ Женеву. Мы встрѣтились на улицѣ и бросились обнимать другЪ друга, какЪ ста-

старинные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминомъ; онъ нанялъ себѣ комнату въ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ, остались въ Бернѣ. Послѣдній скоро женится, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Оттуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, съ тѣмъ, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минуту, какъ лодошникъ хотѣлъ уже отвалить отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мущиною, — дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ рукахъ, — приближилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ птичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы

ловы): Bonjour, Messieurs! Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмотрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспомнили, что имъ надлежало отвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докторъ Беккеръ увѣряетъ меня — а онъ человѣкъ правдивой — Беккеръ увѣряетъ, что они отвѣчали ей весьма хорошо, хотя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ Докторъ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали лодку ихъ на влажныхъ хребтахъ своихъ — или, просто сказать, они плыли, и начинали мало помалу разговаривать. Дѣвушка сказала Датчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Унтерзеенѣ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее? спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. „Слава Богу! ей стало гораздо легче„ — отвѣчала незнакомка. По томъ она захотѣла знать отечество и фамилію своихъ сопутниковъ;

узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунѣ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до трактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ трактирщика, что прелестная сопутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова рекомендоваться, и увѣрять ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. „Ахъ! естьли бы вы знали его лично!„ сказала она съ чувствомъ: „въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безпечно и весело игрывалъ

валъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею„ — — Тутъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвицею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунѣ. „Уже ли мы навсегда простимся?„ сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Беккеръ протянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *Вотъ адрессъ нашей фамиліи, которая почтетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Датчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ от-

веденную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должность явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однако жь дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу сопутницу?* вотъ вопросы, на которые сей дядя и сія тетка принуждены были отвѣчать всякую минуту. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Датчане увидѣли свою пріятную сопутницу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали ей вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье; собрались пріятели

и пріятельницы — но Датчане никого не видали, никого не слыхали, кромѣ Софіи. Разстались съ тѣмъ, чтобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти такъ же. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ требованія на отличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ можетъ быть тоже, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи, и началъ искать разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежитъ до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ страстно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не трепетала такъ сильно въ святыхъ восторгахъ своихъ, какъ трепеталъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами своими къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ съ нею; и чувства его

были — пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла быть равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блистали какъ молніи. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ алеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самаго того времени, какъ платоническій любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схватившъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ щастливы!* . . . „Она твоя„ — отвѣчала Софія, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію: „она твоя! и я надѣюсь быть съ тобою щастлива! „— Пусть другой, а не я, опишетъ сію минуту! — Въ тотъ же самой вечеръ всѣ родственники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего

дру-

друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили быть свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того щастїя, которое ожидаетъ его въ объятїяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софїю. — Между тѣмъ Графъ Молтке совершенно успокоился и радуется щастїю своего друга. Беккеръ также радуется оному — и разсказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; деревa желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу fur la Treille, съ унынїемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горесть мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствїемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что теченїе Натуры есть образъ нашего жизненнаго теченїя!.. Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходитъ лѣто — и въ сїю минуту

сердце мое чувствуетъ холодъ осенній. Простите, друзья мои!

(*Продолженіе впредь.*)

X.

О РУСКИХЪ КНИГАХЪ.

Виргиліева Энеида, вывороченная наизнанку. Часть I. Санктпетербургъ, въ типографіи І. К. Шнора, 1791 года. — Никто изъ древнихъ Поэтовъ не былъ такъ часто *травестированъ*, какъ бѣдной Виргилій. Французъ Скарронъ, Англичанинъ Коттонъ и Нѣмецъ Блумауеръ, хотѣли на счетъ его забавлять Публику, и въ самомъ дѣлѣ забавляли. Тѣ, которые не находили вкуса въ важной Энеидѣ, читали съ великою охотою шуточное переложеніе сей Поэмы, и смѣялись отъ всего сердца. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ вздумалъ также позабавиться надъ старикомъ Марономъ, и нарядить его въ шутовское платье. При всемъ моемъ почтеніи къ величайшему изъ Поэтовъ Августова времени, я не считаю за грѣхъ такія

шуп-

шутки, — и Виргилїева истинная Энеида останется въ своей цѣнѣ, не смотря на всѣхъ Французскихъ, Англїйскихъ, Нѣмецкихъ и Рускихъ пересмѣшниковъ. Только надобно, чтобы шутки были въ самомъ дѣлѣ забавны; иначе онѣ будутъ несносны для читателей, имѣющихъ вкусъ. По справедливости можно сказать, что въ нашей *вывороченной наизнанку* Энеидѣ есть много *хорошихъ*, и даже *въ своемъ родѣ прекрасныхъ* мѣстъ. Я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ. Юнона проситъ Эола, чтобы онъ возмутилъ море и погубилъ Троянцевъ.

Эолъ ей низко поклонясь,
Мѣшокъ поспѣшно развязалъ,
И самъ къ сторонкѣ притуляся,
Онъ вѣтрамъ всѣмъ свободу далъ.
Вздурились вѣтры, засвистѣли,
Взвились, вскрутились, полетѣли —
Настала сильная гроза —
Иной пыхтѣлъ надувши губы,
Другой шипѣлъ оскаля зубы,
Иной дулъ выпуча глаза. —

Горшокъ у бабы какъ со щами
Бурлитъ въ растопленной печи,
Такъ точно сильными волнами
Кипѣло море въ той ночи.

— — — —

Ревѣла буря громогласно;
Свистали вѣтры какъ сурки.
Суда, качаясь ежечасно,
Ныряли въ воду какъ ныркн.
Инаго сильною волною
Вверьхъ опрокинуло кормою;
Другой насѣдкой на мѣль сѣлъ;
Иной песку съ водой наѣлся;
Иной раздулся и разсѣлся —
На дно за раками пошелъ.

Или:

Зевесъ тогда, съ постели вставши,
Съ просонья морщился, зѣвалъ,
И только лишь глаза продравши
Нектара чашку ожидалъ,
Иль, по простy, отъемной водки,

— — — — —

Съ похмѣлья онъ лечился симъ.
Тутъ Ганимедъ съ большимъ подносомъ

И

И съ кружкой Геба, съ краснымъ но-
сомъ,
Тотчасъ явились передъ нимъ.
По томъ Цитерска щеголиха,
Любви и волокитства мать,
Подкравшись въ двери исподтиха,
Изволила предъ нимъ предстать;
Какъ Нѣмка передъ нимъ присѣла,
И жалобно ему запѣла:
Ахъ батюшка, сударикъ мой! и проч.

Или:

На креслахъ штофныхъ съ бахрамою
Разнѣжившись сидѣлъ Эней,
И хвастать началъ онъ собою
Передъ Дидоною своей.
Всѣ вдругъ замолкли, занишкнули,
Къ разсказамъ уши протянули,
И слушали разинувъ ротъ.
Эней то видя восхищался,
Какъ можно больше лгать старался,
Весь надсѣдая свой животъ.

Естьли бы вся Энеида была такъ травестирована, то я поздравилъ бы Рускую Литтературу съ хорошимъ, и весьма хорошимъ комическимъ произведеніемъ; но, къ сожалѣнію, много

и слабаго, *растянутаго*, слишкомъ низкаго; много также нечистыхъ или противныхъ ушамъ стиховъ — на примѣръ:

Былъ мракъ и днемъ такъ какъ въ ночи. — —

Облизываяся какъ котъ, и проч.

— О приписаніи или дедикаціи въ стихахъ . . . не скажу я ни слова.

XI.

ПАРИЖСКІЕ СПЕКТАКЛИ

въ 1792 году.

Новая комедія Г. Колленя д'Арлевиля, le Vieux Célibataire (холостой старикъ), понравилась Публикѣ не менѣе Оптимиста. Вотъ содержаніе. Г. Дюбрильяжъ, холостой богатой старикъ, не имѣетъ у себя наслѣдниковъ, кромѣ одного племянника, которой въ первыхъ лѣтахъ молодости своей велъ себя не очень хорошо, и наконецъ женился на бѣдной дѣвушкѣ. Для дяди всего прискорбнѣе

то,

то, что племянникъ, зная гнѣвъ его, не только не старается его умилостивить, но даже и совсѣмъ не пишетъ къ нему. У Г. Дюбрильяжа господствуютъ въ домѣ дворецкой Амбруазъ и Гжа. Эвраръ, управительница. Первой, будучи характера жестокаго и сердитаго, хочетъ казаться человѣкомъ искреннимъ и прямодушнымъ; а Гж. Эвраръ притворяется усердною и нѣжно привязанною къ своему господину, единственно для того, чтобы все изъ него дѣлать. Хотя они не любятъ другъ друга, однако жь дѣйствуютъ съ общаго согласія и по одному плану. Амбруазъ, желая разбогатѣть, хочетъ жениться на Гжѣ. Эврарѣ; но сія думаетъ быть женою самого господина, скрывая между тѣмъ намѣреніе свое отъ дворецкаго. Въ начертаніи сихъ двухъ характеровъ Авторъ показалъ великое искусство. Будучи въ такомъ расположеніи, они стараются удалить племянника отъ дяди; перехватываютъ его письма, и всячески возбуждаютъ

ютъ противъ него Г. Дюбрильяжа, для того, чтобы онъ лишилъ его наслѣдства. Но добросердечной старикъ не можетъ на то согласиться, и Сочинитель заставляетъ его говорить весьма краснорѣчиво и основательно противъ завѣщанїй. Между тѣмъ племянникъ, Арманъ, молодой человѣкъ, имѣющій доброе и чувствительное сердце, за которое можно простить ему первыя заблужденїя молодости, пріѣзжаетъ и съ женою къ дядѣ; но его не допускаютъ. Онъ прибѣгаетъ къ хитрости, скрываетъ имя свое, и посредствомъ стараній самой Гжи. Эвраръ входитъ въ домъ слугою; угождаетъ ей, и дѣлается наконецъ ея повѣреннымъ. Жена его, Гж. Арманъ, также принимается въ домъ служанкою, черезъ покровительство дворецкаго Амбруаза. Управительница противится сему, боясь красоты ея и совмѣстничества; однако жь Г. Дюбрильяжъ никакъ не хочетъ разстаться съ своею любезною служанкою, и осердившись за то на Гжу. Эвраръ, говоритъ ей, что она сама

мо-

можетъ выпти изъ его дому, хотя въ предшедшей сценѣ, расположенной съ великимъ искусствомъ, сія хитрая женщина довела его до того, что онъ самъ началъ желать руки ея. Госпожа Арманъ скоро открываетъ Господину Дюбрильяжу, что она его племянница. Управительница приходитъ почти въ бѣшенство. Самъ дворецкой клянетъ себя за то, что ввелъ ее въ домъ, и вмѣстѣ съ Госпожею Эвраръ намѣревается погубить ее. Они показываютъ Дюбрильяжу старое Арманово письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что жена его съ нимъ въ Кольмарѣ. Изъ сего заключаютъ, что бывшая служанка есть обманщица; но Арманъ, узнавъ сіе отъ самой управительницы, открываетъ всю тайну дядѣ своему, и такимъ образомъ уничтожаетъ гнусной заговоръ дворецкаго и Гжи. Эвраръ. Ихъ выгоняютъ изъ дому, и Арманъ пользуется всею любовію и довѣренностію Г. Дюбрильяжа, которой полюбилъ его и въ видѣ слуги. — Моле представляетъ дядю,

дю, Гжа. Конта управительницу, Флюри племянника, и Гжа. Пети жену его; ничего не льзя вообразить совершеннѣе игры ихъ.

XII.

СМѢСЬ.

1. Арнольтъ Данїель, древнїй Прованскїй стихотворецъ, провелъ въ бѣдности большую часть жизни своей. Въ старости сочинилъ онъ пѣсню, которую послалъ къ Королю Французскому, Англїйскому и другимъ Государямъ, и въ которой просилъ ихъ наградить его за удовольствїе, доставленное имъ стихами его. Посланной возвратился съ богатыми дарами, и стихотворецъ — сдѣлалъ то, чего бы нынѣ конечно никто не сдѣлалъ. *И такъ я вижу, что Богъ меня не оставляетъ!* воскликнулъ онъ, пошелъ въ монахи и началъ жить умѣреннѣе прежняго.

2. Риго Бербецилъ, храброй рыцарь и любимой стихотворецъ своего времени, оскорбилъ владычицу души своей тѣмъ, что за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина, осмѣлился произнести ея имя, называвъ ее прежде въ стихахъ своихъ не иначе, какъ только *прекраснѣйшею дамою*. Она обѣщала возвратить ему благосклонность свою, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы сто Бароновъ, сто рыцарей, сто дамъ и сто дѣвицъ публично просили ему прощенія, и при томъ не зная, у кого. Къ щастію бѣднаго рыцаря, случилось сіе передъ большимъ праздникомъ въ честь Пюйской Богоматери. Зная, что многіе дворяне пріѣзжаютъ къ сему празднику, сочинилъ онъ пренѣжные стихи, и стоя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ открытымъ небомъ, пропѣлъ ихъ такимъ жалкимъ голосомъ, что всѣ присутствующіе были до слезъ тронуты, и въ одинъ голосъ закричали: *прощеніе и милость*! Сіи стихи въ самомъ дѣ-

лѣ таковы, что всякой сжалится надъ Авторомъ. Вотъ начало: *Всѣмъ и каждому извѣстно, что упадшій слонъ не можетъ опять подняться на ноги, естьли другіе не помогутъ ему: такъ и я требую помощи. Ибо зѣло велика скорбь моя, и естьли Дворъ, знатные господа и нѣжные любовники не подымутъ меня, то я вѣчно лежать буду.*

XIII.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Dramatik Sketches of the ancient Northern Mithology, by F. Sayers. London *1791*. То есть *Драматическія начертанія древней сѣверной Миѳологіи.* — Давно уже Британская Муза не производила ничего примѣчанія достойнаго. Казалось, что въ Шекспирѣ, Мильтонѣ, Попѣ, Геѣ и прочихъ давно умершихъ Сочинителяхъ, истощился весь пїитической жаръ Албіона.

Пи-

Писали, писали чисто — но духа и жизни нигдѣ не было. НаконецЪ является новой, истинной ПоэтЪ, Г. СеерсЪ, съ своими драматическими начертаніями, и доказываетЪ, что отечественная Муза его пробудилась и возстала въ новой силѣ. ВЪ твореніяхЪ его видимЪ богатое воображеніе, естественную простоту, Оссіанскую живопись и цвѣты Греціи — цвѣты, которые онЪ на скалахЪ сѣвера возращаетЪ. — Первая піеса въ семЪ собраніи есть *сошествіе въ адъ Фреи*, богини красоты, которая у Гелы, адской богини, испрашиваетЪ свободу любовнику своему, богу солнца, въ ея власти находящемуся; вторая Моина, трагедія въ пяти актахЪ, гдѣ молодая, прекрасная женщина приносится въ жертву, и гдѣ любовникЪ ея бросается въ море; а третья и послѣдняя называется *Старно*, трагедія въ двухЪ дѣйствіяхЪ, гдѣ дочь Британскаго полководца лишаетЪ себя жизни, узнавЪ о смерти своего любовника. Всѣ сіи піесы исполнены великихЪ кра

сотЪ

сотъ; но онѣ справедливѣе могутъ быть названы лирическими, нежели драматическими. По крайней мѣрѣ Сочинитель всего болѣе плѣняетъ читателя прекрасными своими хорами. Можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ будутъ переведены и напечатаны въ Московскомъ Журналѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. КЪ Милостіи. - -	117
II. Весна. - -	120
III. Шарлота на Вертеровой гробницѣ - - -	122
IV. Сцены изъ Саконталы -	125
V. Эвфразія къ Мелкуру. -	156
VI. О досугѣ - -	167
VII. Фіялка - -	177
VIII. Письмо къ Издателю -	181
IX. Письма Рускаго Путешественника -	182
X. О Рускихъ книгахъ -	204
XI. Парижскіе спектакли -	208
XII. Смѣсь - -	212
XIII. О иностранныхъ книгахъ	214

Подписка на сей Журналъ принимается здѣсь въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ на Тверской, а въ другихъ городахъ въ Почтъ-Амтахъ. Весь годъ онаго стоитъ въ Москвѣ пять руб. а съ пересылкою семь. Кому же угодно будетъ изъ другихъ городовъ послать деньги прямо въ лавку, того проситъ Издатель сообщить при томъ свой адресъ, и въ такомъ случаѣ ручается за вѣрное доставленіе Журнала.